
Марина Ветрова ✦ Юлия Беринг
Развод с предателем.
Ты объявил меня сумасшедшей, чтобы украсть мою дочь!

Марина Ветрова
Юлия Беринг

Развод с предателем. Ты объявил меня сумасшедшей, чтобы украсть мою дочь!

https://litres.ru/74725222
SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж объявил меня сумасшедшей, запер в психиатрической клинике и заставил родную дочь поверить, что её мать опасна.

Пять лет я терпела его жестокость, пока он изменял мне с секретаршей и присваивал результаты моих научных исследований.

Теперь он требует подписать отказ от дочери, патента и всех денег. Иначе обещает оставить меня за решётками клиники навсегда.

Но муж совершил ошибку. Я сохранила доказательства его преступлений.

А ещё рядом появился мужчина, который знает, как разрушить империю моего предателя.

Я верну дочь, своё имя и свободу. А бывший муж узнает, что чувствует человек, у которого отняли абсолютно всё.

И это только начало моей новой жизни!

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Марина Ветрова, Юлия Беринг Развод с предателем. Ты объявил меня сумасшедшей, чтобы украсть мою дочь!

Глава 1

Белый потолок давил на глаза, как бетонная плита. Я проснулась от того, что кто-то аккуратно разгладил складку на простыне у моего бедра. Пальцы были холодными. От них пахло дорогим лосьоном после бритья — знакомым до тошноты. Я отодвинула бедро, насколько позволяла узкая койка.

— Ты сорвалась, Алинка.

Игорь произнёс моё домашнее имя почти нежно. Я вжала бедро в матрас: так он называл меня и перед тем, как хватал за руку. Он стоял у тумбочки, держа стакан воды и маленькую белую таблетку. Улыбался так, будто делал одолжение: выпустить меня из этого сучьего ада обратно в его личный

ад помягче.

Я попыталась сесть. Голова закружилась, перед глазами поплыли серые пятна. Пять лет я терпела его тиранство, убеждая всех вокруг, что я просто «сложная», «нервная». А он методично подменил мои тесты, выставив сумасшедшей, чтобы отобрать патент на мой препарат и деньги.

— Подпиши отказ от патента и от дочки, — сказал он, кладя документы поверх больничного халата. Бумаги шуршали громче, чем стук моего сердца. — И я выпущу тебя домой. Соня скучает. Она плачет по ночам, потому что боится маму-монстра. Ты же знаешь, что ты опасна для неё. Без моей защиты врачи признают тебя невменяемой навсегда.

Я посмотрела на ручку. Черная, глянцевая, дешевая.

— Я здорова, — прошептала я. Голос был хриплым, словно горло пересохло от крика, которого я не издавала.

— Здоровье — это вопрос восприятия, Алина. Воспринимай себя так, как удобно мне.

Он протянул руку, чтобы взять мою ладонь. Я отдернула её. Игорь даже не вздрогнул. Просто положил стакан на край тумбочки. Вода дрогнула. За его плечом виднелась фанера, закрывавшая окно почти целиком; дневной свет просачивался только по краям.

— Соня считает, что ты хочешь ей навредить. Это твои слова, записанные на диктофон три месяца назад. Ну, или то, что мы скажем, если ты не подпишешь сейчас. Выбор за тобой. Свобода или диагноз «параноидальная шизофрения»

в медкарте.

Злость ударила в виски раскаленным гвоздем. Я попыталась встать, чтобы выгнать его, чтобы вцепиться ногтями в его идеальную щетину. Но ноги подогнулись. Не от слабости мышц, а от того, что мозг вдруг забыл, как ими управлять. Мир качнулся. Я рухнула на колени, ударившись лбом о холодный кафель пола. Лоб саднило, на кафеле осталось красное пятно. На него я и смотрела, пока всё остальное кружилось перед глазами.

Игорь не помог. Он смотрел сверху вниз с брезгливой жалостью, как на испорченный товар.

— Аккуратнее, пациентка. Тебе нельзя падать.

В дверях появилась Марина. Его секретарша, его любовница — та, что раскладывала документы и улыбалась моим слезам. Она вошла бесшумно, в туфлях на тонком каблуке, и остановилась прямо над мной. Запах её духов — тяжелый, сладкий жасмин — смешался с запахом антисептика и моей крови, потекшей из рассеченной брови.

Марина аккуратно положила папку поверх моих плеч. Когда я попыталась выпрямиться, она сильнее надавила ладонью через папку. Пришлось снова упереться руками в кафель.

— Игорь Александрович очень переживает за ваше состояние, Алина Сергеевна, — произнесла она тихо, почти ласково, поправляя прядь волос. Её пальцы коснулись моего лица, убирая выбившуюся прядь. Я почувствовала, как меня

выворачивает наизнанку. — Не усложняйте ему жизнь. Вы же понимаете, сколько сил он тратит, чтобы сохранить лицо вашей семьи.

— Шлюха... — прошипела я. Силы на крик уже не осталось. Только шипение змеи, загнанной в угол.

Марина улыбнулась уголками губ.

— Милая, я всего лишь профессионал. А вы — истеричка.

Дверь закрылась. Щелчок замка снаружи прозвучал как выстрел. Они оставили меня одну. С документами, которые нужно подписать. И с собой.

Тишина в комнате была плотной, вязкой. Мягкая обивка стен поглощала любые звуки. Здесь специально всё сделано так, чтобы человек терял ориентацию во времени. Ни часов, ни вида из заколоченного окна, ни звуков города. Только гул вентиляции в голове.

Я поползла к стене. Ощупывала стыки плитки, искала хоть какую-то трещину, винт, выход. Стены глухие. Пол гладкий. Мебель привинчена к полу. Это не палата. Это капсула. Капсула для хранения отходов. Для меня.

Паника начала подниматься волной, перехватывая горло спазмом. Воздуха не хватало, хотя вентиляция работала исправно. Это была химическая удушка. Мой разум начинал рисовать картины: Соня, прячущаяся в шкафу, когда я входила в комнату. Врачи, смеющиеся надо мной в коридоре. Игорь, стирающий кровь с рук салфеткой.

— H, He, Li, Be, B, C, N, O, F, Ne... — начала я вслух. Таблица Менделеева. На водороде я ещё держалась. После углерода забывала, что идёт дальше, и начинала сначала. Буквы путались. Память блокировалась туманом препаратов, которые они вливали в меня через капельницы ночью, пока я спала.

После углерода — азот. Я знала это ещё школьницей. Сейчас даже этот ответ приходилось выцарапывать из памяти. Зато «подпиши» понимала с первого раза. Вот такой я и была нужна Игорю: пугаться, слушаться, ставить подпись там, где укажут.

Я села на пол, прислонившись спиной к кровати. Холод металла проникал сквозь ткань пижамы, впиваясь в позвоночник. Ярость стала единственным топливом. Если они хотят, чтобы я сошла с ума, я буду сумасшедшей. Но сумасшедшей, которая помнит всё. Которая знает их грехи.

Стук в дверь. Резкий, требовательный.

Я вздрогнула, ожидая снова Игоря или охранников. Молчала, боясь показать слабость, боясь, что они услышат, как дрожат мои зубы.

Под дверью просунули бумагу. Тонкую полоску. Кто-то быстро отдернул руку.

Я схватила её. Пальцы дрожали так сильно, что буквы расплывались. Почерк неровный, торопливый, мужской.

«Не пей воду после 18:00. Они хотят усыпить тебя окончательно. Я знаю, где ты».

Надежда вспыхнула ярким, болезненным огоньком. Кто? Откуда он знает? Этот мир был закрыт на замок, вырезан из реальности. Любое знание о нем означало одно: утечка информации. Или предательство внутри системы охраны. Или... союзник.

Но этот луч света тут же стал источником нового страха. Кто знал, что я здесь? Кто мог передать записку через щель в двери, минуя камеры наблюдения, которые я видела в углу потолка?

Я перечитала текст. Внизу, мелким шрифтом, добавлено: «Код доступа к серверу клиники начинается с даты твоего первого эксперимента. Помнишь?»

Мое сердце пропустило удар.

Дата первого эксперимента. В диссертации это выглядело просто строкой из приложений. Для меня это был день смерти первой пациентки. Той, которую я пыталась спасти своим препаратом, но проиграла. Я скрыла этот факт в приложениях, засунув глубоко в архивы, доступные только узкому кругу. В общих отчётах этой даты не было. Я помнила её без календаря — и помнил человек, сидевший рядом в тот день, когда всё рухнуло. Но записавший её мог добраться и до приложений.

Озарение пришло внезапно, как удар тока. Код. Проект «Химера». Игорь использовал его данные, чтобы создать свою империю клиник. Но ключ к расшифровке был только у меня. И у того, кто наблюдал за моим крахом с самого на-

чала.

Этот контакт не был случайным. Это был целенаправленный удар в самую уязвимую точку моей памяти. Человек, написавший записку, знал и место моего заточения, и мой самый глубокий профессиональный стыд. Либо он давно следил за мной, либо он был частью того мира, который меня уничтожил.

Хотелось снова сунуть записку под дверь: пусть назовёт себя. Но я прижала её к груди. Если он союзник, это мой единственный способ дождаться помощи; если нет — он знает, о чём я не могу забыть.

Я сжала записку в кулаке, чувствуя, как острые края бумаги впиваются в ладонь. Боль была приятной. Она возвращала меня в тело. Я развернула листок, поднося его к свету, пробивающемуся из-под двери.

На обороте виднелся отпечаток пальца, смазанный чернилами. Света из-под двери едва хватало, чтобы различить полоску поперёк него. Шрам? Или бумага смялась? Я поднесла лист ближе. Похожий след оставлял Денис: пять лет назад на кухне нашего офиса он порезал указательный палец, когда резал яблоки для меня.

В коридорах санатория шептались о детективе Максиме Орлове. Я не знала, как он выглядит вблизи, и тем более не могла узнать его по такому отпечатку.

Но такой шрам был у Дениса. Моего бывшего ассистента. Того, кого я считала мертвым три года назад после автомо-

бильной аварии, которая теперь тоже казалась мне подозрительной.

Денис жив? И он здесь?

Вопрос только один: он пришел спасать меня или добить то, что осталось?

Глава 2

Вечерний обход пахнул хлоркой и дешевым лавандовым ароматизатором, которым они маскировали запах страха. Медсестра Галина, женщина с лицом, будто вырезанным из сырого теста, поставила поднос у моей кровати. Стакан воды, две белые таблетки. «Седативное», — бормотала она себе под нос, не глядя на меня. Её пальцы были холодными, липкими. Я ненавидела эти прикосновения больше, чем саму изоляцию.

— Ты сегодня слишком возбуждена, Алин, — процедила она, поправляя одеяло так резко, что ткань взлетела фонтаном пыли. — Игорь предупредил: если ты будешь шастать по палатам, ему придется усилить дозировку. Пей.

Я взяла стакан. Стекло холодило ладони. Внутри плескалась мутная жидкость. Я посмотрела ей прямо в глаза. Может, спросит, почему вода мутная? Галина придвинула поднос ближе и осталась ждать. Ей нужно было увидеть, как я проглочу таблетки; всё остальное её не касалось.

Положила обе таблетки на язык и запила. Вода была тёплой, неприятной; горечь сразу растеклась по рту. Галина наблюдала за каждым движением моих губ. Я имитировала глотание, напрягая шею, закрывая рот. На деле же я прижала языком к нёбу одну таблетку, а вторую проглотила, чтобы сохранить иллюзию покорности.

— Хорошая девочка, — буркнула медсестра и развернулась каблуками. Дверь щелкнула замком.

Как только шаги затихли, я выплюнула первую таблетку на ладонь. Она была целой. Я спрятала её под матрас, туда, где пружины скрежетали громче всего. Руки дрожали; я ещё раз ощупала таблетку под матрасом и едва не рассмеялась. Одну проглотила, но вторую сумела спрятать. Впервые за месяц они записали в журнал то, чего я не сделала. Теперь нужно выбраться из палаты, пока эта маленькая хитрость чего-то стоит.

Перед выходом я вытащила из-под матраса старый блокнот с записями и флешкой под обложкой, сунула в глубокий карман халата. Карту пациента надела на шнурок под ворот. Если попадусь, отберут всё. Но без своих дат и симптомов я снова останусь только «пациенткой со слов мужа».

Позже, когда меня выпустили к столовой, я дождалась, пока дежурная отвернется, и свернула к служебному лифту. Коридор был темным. Аварийное освещение давало мертвенно-синий оттенок стенам. Пахло сыростью и старыми проводами. Я шла босиком, чувствуя холод кафеля подошвами. Каждый шаг отдавался эхом в пустоте, но я знала ритм дежурства охраны. Сейчас их внимание должно было быть переключено на видеонаблюдение главного холла.

У служебного лифта стоял охранник. Крупный мужчина с коротким ежиком волос и глазами, привыкшими видеть только плохое. Он перегораживал проход, держа в ру-

ках планшет с журналом обхода.

— Стоять, — его голос был грубым, как наждак. — Куда собралась? Пропуск есть?

— Мне нужно в туалет, — сказала я ровным тоном, стараясь не смотреть ему в лицо. Голос звучал чужим, скрипучим.

Он фыркнул.

— Туалет в палате. Вернись. Или я вызываю врача. Тебе снова сделают укол.

Он смотрел на меня как на сумасшедшую, готовую устроить истерику. И он был прав в одном: я могла закричать. Но крик означал возврат в палату. Нужно было действовать иначе.

Он зажал планшет под мышкой и взял с поста флакон дезинфицирующего средства. Протирая экран салфеткой, держал распылитель совсем рядом со мной. Резкий, химический запах ударил в нос. Хлоргексидин и спирт. Высокая концентрация. Для кожи это нормально, для слизистых — нет.

— У вас флакон протекает, — тихо сказала я.

Он удивленно поднял голову. В этот момент я сделала резкий выпад вперед, схватив его запястье. Не чтобы ударить, а чтобы перехватить контроль над флаконом. Я надавила на распылитель, направляя струю ему в лицо. Капли попали ему в глаза и на губы.

Охранник вскрикнул, отшатнувшись назад. Он инстинктивно закрыл лицо руками, начав кашлять и тереть глаза. Он

согнулся и выпустил планшет. Мне хватило этих нескольких секунд. Я проскользнула мимо него, в открытые двери кабины лифта, и нырнула внутрь, пока он ругался, пытаясь промыть глаза водой из бутылки.

Кнопка технического уровня в кабине оказалась доступна. Я нажала её, не дожидаясь охранника, и вышла там, где шум машин заглушал всё остальное. Здесь пахло озоном и горячим пластиком. Дверь в серверную была передо мной. Биометрический замок нового образца светился красным. Моя карта пациента здесь была бесполезным куском пластика. Игорь обновил систему безопасности три дня назад, уверенный, что я даже не смогу подойти к этой зоне.

За спиной загудел лифт. Следом раздался голос Игоря.

Он тоже спускался сюда. Проверить, не сбежала ли я? Инстинкт кричал бежать, но ногам некуда было деваться. Я метнулась в нишу между двумя вентиляционными шахтами, прижавшись спиной к холодному металлу. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот пробьет грудную клетку.

Игорь ступил из кабины в коридор. Он выглядел безупречно: серый костюм, идеальная прическа, улыбка человека, который знает, что мир принадлежит ему. Он говорил по телефону, и даже гул вентиляции не заглушал его слов.

— ...да, списание активов произойдет после подписания. Нет, Марина, не волнуйся. Она сидит в комнате. Если будет буянить — увеличим дозу нейролептиков. Пусть думает, что

сошла с ума окончательно. Так проще.

Он говорил спокойно, будто обсуждал доставку мебели. «Увеличим дозу». Я зажала рот ладонью, чтобы не выдать себя. Слышала это сама — без врачебных объяснений, без его ласкового «для твоего же блага». Им нужно, чтобы я забыла детали сделки и не смогла опровергнуть подлог.

Он прошел мимо моей ниши, даже не взглянув в мою сторону. Для него я была невидимкой, ошибкой в матрице, которую можно стереть кнопкой. Когда звук его шагов удалился, я выдохнула воздух, который держала в легких, и почувствовала, как дрожат колени.

Серверная была рядом. Замок все еще горел красным. Но я заметила, что панель управления немного отошла от стены. Кто-то недавно открывал её. Я толкнула дверь серверной: замок не держал, хотя индикатор горел красным. Она поддалась с тихим скрипом.

Внутри было темно и холодно. Гул серверов создавал монотонный белый шум, успокаивающий нервы. В углу, освещенном лишь голубым свечением ноутбука, сидел человек.

Он не обернулся сразу. Только когда я сделала шаг ближе, он медленно повернул голову. Черты лица жесткие, скулы высокие, глаза серые, как зимнее небо над Карелией. В руке он держал стилус, направленный на меня, как нож.

— Ты тоже пришла украсть Wi-Fi? — спросил он. Голос низкий, без интонаций. Ни удивления, ни агрессии. Просто оценка угрозы.

Максим Орлов. Частный детектив. Человек, которого я видела в новостях несколько лет назад, когда он слил данные о коррупции в фармацевтическом гиганте. Тогда я думала, что он погиб. Оказывается, он просто затаился.

Я не побежала. Не закричала. При виде меня он отодвинул ноутбук и подобрался. Значит, не ждал именно сейчас. Я остановилась на расстоянии вытянутой руки от стола и заставила себя заговорить.

— Я знаю пароль, — сказала я. Голос дрожал, но слова были четкими. — Их внутренняя сеть меняется каждые четыре часа по алгоритму Фибоначчи. Я написала этот код пять лет назад. Для Игоря.

Максим замер. Стилус в его руке чуть опустился. Он смотрел то на меня, то на дверь. Я стояла в больничном халате, босая, с рассечённой бровью, и ждала: сейчас потребует уйти или всё-таки даст мне клавиатуру.

— Доказательства, — потребовал он. — Или я звоню охране. Ты сейчас самая опасная пациентка в этом здании.

— Проект «Химера». Ключевые строки доступа начинаются с последовательности 13-21-34, затем переход в шестнадцатеричную систему с префиксом 'VETROVA_IX'. Ты искал этот код месяцами, Максим. Ты сидишь здесь не просто так. Ты ждал меня.

Он перестал крутить стилус. Затем достал телефон, проверил экран и убрал обратно в карман.

— Префикс повтори. Медленно.

Я повторила. Только после этого он развернул ко мне ноутбук.

— Ты жива только потому, что мне нужен твой ум, а не твое тело, — сказал он сухо. — Садись.

Глава 3

Мы работали в темноте. Максим дал мне доступ к защищенному каналу связи через свой ноутбук. У нас было пять минут, прежде чем система автоматического мониторинга санатория засечет всплеск активности и заблокирует порт.

Мои руки тряслись. Абстинентный синдром давал о себе знать: ломота в костях, тошнота, головокружение. Но пальцы находили клавиши. Я писала код быстрее, чем мысли. Перед глазами всплывали строчки, которые я когда-то считала скучной рутиной, а теперь понимала: это была ловушка, построенная мной для себя же.

— Быстрее, — шепнул Максим. Красный индикатор на экране начал мигать. Система сканирования запущена.

— Я почти закончила, — ответила я, чувствуя вкус крови на губе. Прикусила её от напряжения.

Экран залился красным. Таймер показывал десять секунд до блокировки соединения.

— Останавливай, — приказал Максим. — Мы потеряем всё, если сейчас...

— Нет! — рявкнула я. — Там доказательства! Оригинальные анализы! Подмена! Если мы сейчас выйдем, он уничтожит файлы.

Максим потянулся к клавише отключения. Я накрыла его кисть своей.

— Десять секунд. Дай мне десять секунд, и забирай ноутбук.

Он стиснул зубы, но руку убрал.

Последние секунды тянулись как резиновые ленты. Мои пальцы танцевали над клавиатурой, завершая цикл расшифровки. Три... два... один...

Файл открылся. Я успела скопировать содержимое на флешку, которую вытащила из своего старого блокнота. Блокнота, который я тайком вела всё это время, записывая симптомы, даты, имена врачей. Всё то, что Игорь называл «приступами паранойи».

Экран погас. Соединение разорвано. За ровным гулом серверов я больше не слышала ничего.

Максим смотрел на флешку в моей руке, потом на меня. Я сидела, прислонившись к стене, еле дыша. Пот стекал по вискам.

— Ты не просто пациентка, — тихо сказал он. Он посмотрел на блокнот у меня на коленях, затем на меня. Впервые за этот вечер — не на дверь и не на экран. — Ты всё это время вела записи? После их уколов? Если бы нашли блокнот, следующего обхода ты могла уже не помнить. И всё равно писала.

Он протянул руку. Я вложила в неё флешку и блокнот.

— Зачем тебе это? — спросил он, листая страницы моего дневника.

— Потому что дочь боится меня, — прошептала я. — И

я должна вернуть её доверие.

Максим закрыл блокнот. Его взгляд стал тяжелым.

— Меня нанял адвокат Соколов. Не главный врач санатория, его однофамилец. Твой адвокат, который исчез две недели назад. Он передал мне твои данные, сказав, что ты ключ к делу против Ветрова. Я думал, ты сломана. Оказывается, ты просто спряталась.

Он достал из кармана одноразовый телефон. Сунул его мне в руки. Пластик был теплым от его тела.

— Напиши дочери, — сказал Максим. — Одно слово. «Жива».

Я посмотрела на экран. Пальцы дрожали. Набрать имя Сони. Отправить сообщение.

Но прежде чем я успела нажать кнопку, дверь серверной щелкнула.

Максим мгновенно выхватил телефон из моих рук и сунул обратно в карман.

— Если Игорь узнает, что ты здесь была... тебя больше не найдут, — прошипел он мне в ухо, отталкивая к тени угла. — Теперь ты моя проблема, Алина. И я не собираюсь тонуть вместе с тобой.

Тень в коридоре удлинилась. В проёме появилась спина охранника: он смотрел в другую сторону. Максим прижал палец к губам. Я дождалась его знака, проскользнула мимо двери и вернулась в палату. Сообщение Соне так и осталось неотправленным.

Запах антисептика въелся в кожу, стал частью меня. Я стояла у двери технической подсобки, сжимая в кулаке холодную жестянку от чая. План был прост: пролить горячую воду на пол, создавая скользкую ловушку для медсестры, пока та будет убирать лужицу, я проскользну внутрь. Я уже примерилась, куда плеснуть воду, но сначала нажала на ручку. Дверь не поддалась. Над ручкой горел красный индикатор электронного замка. Вчера Максим сумел открыть серверную через панель, но здесь панель была закрыта, и я не знала, как к ней подступиться. Игорь знал, что я фармаколог, и он не дал мне даже возможности быть хакером-любителем. Прямое вторжение невозможно. Мне нужен легальный вход. Или чужой.

В столовой было душно от запаха вареной капусты и фальшивого благополучия. Пациенты ели молча, боясь поднять глаза. А я чувствовала на себе взгляд Игоря раньше, чем увидела его. Он сидел напротив, идеально прямой, в костюме, который стоил больше, чем весь этот санаторий за месяц аренды. В руке — стакан воды и маленькая белая таблетка. Седативное. Если откажусь, он снова покажет всем, какая я буйная. Если проглочу — вечером не смогу работать.

— Алинка, ты бледная, — его голос был бархатным, обволакивающим, тем тоном, которым он усыплял мою волю пять лет. — Выпей. Тебе нужно успокоиться. Доктор сказал, что твоя агрессия мешает выздоровлению.

Он протянул руку. Пальцы длинные, ухоженные. Ногти

подстрижены под корень. Меня затошнило. Вокруг шептались. «Бедняжка», «Она опять срывается». Они верили ему. Потому что он платил за их комфорт, а я была той самой сумасшедшей женой, которая кричала в пустоту.

Я взяла таблетку. Она была гладкой, почти невесомой. Поднесла ко рту, имитируя покорность. Игорь улыбнулся уголком рта — победно, хищно. Он ждал, что я проглочу. Ждал, что мой разум снова уплывет в туман, где нет ни мыслей, ни памяти о патенте. Но я знала эту игру. Зажала таблетку между щекой и десной. Горечь жгла слизистую; приходилось глотать слюну, не сдвигая пилюлю. Когда он отвернулся, чтобы взять салфетку, я незаметно выплюнула пилюлю в бумажный комочек и сунула его в карман халата. Руки дрожали, но внутри нарастало ледяное спокойствие. Я перехватила взгляд Максима. Он сидел за соседним столиком, спиной к стене, лицо скрыто тенью. Его пальцы лежали на столе неподвижно. Он видел. Уголок его губ чуть дернулся. Я едва не кивнула ему, но удержалась: Игорь ещё сидел напротив. Комочек в кармане казался огромным. Хотелось проверить, на месте ли он; я оставила руки на столе.

Ночь в номере была тише кладбища. Только гул вентиляции да стук собственного сердца в висках. Я достала планшет — старую модель, которую Максим оставил мне вчера, сунув его под блокнот после нашей вылазки: «Если выживешь, используй это». Экран светился синим в темноте. Wi-Fi сеть санатория «Vital-Care-Guest» требовала пароль. Го-

стевой пароль я знала; он не менялся за всё время моего пребывания. Для доступа к архиву этого было мало, но хотя бы сеть отвечала. Вход.

Пальцы летели по клавиатуре, привычно и быстро. Сканирование портов. Поиск уязвимостей. Firewall клиники реагировал мгновенно. Красные флаги вспыхнули на экране: ACCESS DENIED. IP-адрес заблокирован. Система тревоги активирована. Сердце ухнуло вниз. Я провалилась. Теперь они знают. Теперь придут.

Глава 4

Дверь открылась бесшумно. Я обернулась, прижав планшет к груди. Максим вошел, закрыл за собой дверь и повернул замок. Щелчок прозвучал как выстрел.

— Ты глупая или смелая? — спросил он тихо. Голос низкий, хриплый от сигарет, которые он курил втайне от персонала.

— Я пыталась найти анализы, — прошептала я, не поднимая глаз от экрана. — Они стирают архивы. Если я не скачаю оригиналы сейчас, завтра меня объявят недееспособной и переведут в закрытый стационар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.